ИНГА ЕВДОКИМОВА

ГОРОД ЧУЖОЙ ВОЛИ

СИМБИОТ

18+

Инга Евдокимова

Город чужой воли. Симбиот

«Автор»
2026

Евдокимова И.

Город чужой воли. Симбиот / И. Евдокимова — «Автор», 2026

В Москве есть те, к кому приходят за лишними годами жизни. Немногие могут дать обещанное...Они могут. Они не станут ни уговаривать, ни показывать фокусы, но в их словах невозможно усомниться.Цена — десять килограммов золота и предательство. Сделка будет заключена.Из чёрного колодца выползет Змей. Он даст новому хозяину силу и бессмертие и заберёт у него всё остальное. Но страшнее всего в этой сделке окажется не цена, а расплата.«Город чужой воли» — мрачный мистический триллер о Москве, где сделки с тьмой заключают в кофейнях, а за служебной дверью в тоннеле ждёт Источник. Здесь каждый готов заплатить чужой жизнью за своё желание. Вопрос только в том, чьей.

© Евдокимова И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Расклад 5
Надежда 10
Артефакт 15
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Инга Евдокимова
Город чужой воли. Симбиот

Расклад

Тёмно-синий внедорожник уверенно шёл по Кутузовскому в общем потоке, его глянцевый кузов отражал московский день, витрины, обрывки чужих номеров и бегущую сбоку разметку. Проспект был широк настолько, что казался не улицей, а руслом, по которому город каждое утро тёк куда-то в сторону центра.

Из глубины салона Ратников уже видел приближающийся дом — тяжёлую песчано-жёлтую громаду, верхние этажи которой опоясывал частый ряд высоких колонн, поднимавшихся до венчающего карниза.

Водитель сбросил скорость, перестроился правее и привычно затормозил перед бордюром у арки. Ратников открыл дверь и вышел, одёрнув пиджак.

— Жди здесь, — не оборачиваясь, обронил он. — Долго не буду.

— Понял, — коротко отозвался водитель.

За аркой открывался двор-колодец, и стены сходились вокруг него так тесно, будто дом решил спрятать от проспекта собственную изнанку.

Пыльный листок объявления у водостока обещал срочную помощь и тайну обращения, Ратников отметил его без насмешки. Забавно, думал он, ступая в гулкую полутьму двора: сейчас 2010 год, и этому городу с его стеклянными башнями и обещаниями удобства он, современный человек, не верил ни на копейку, а женщине, сидящей за бархатной шторой обычной московской квартиры, верил больше, чем собственным заместителям. Впрочем, ничего забавного тут не было — просто она ни разу не ошиблась в прогнозах, а город ошибался в них каждый год.

Ратников остановился у нужного подъезда в углу двора, положил ладонь на холодную металлическую ручку и потянул тяжёлую дверь на себя, она с трудом открылась, он шагнул через порог, не задерживаясь, и облупленный косяк царапнул его плечо тонкой полосой отставшей краски.

За порогом в лицо пахнуло знакомой прохладой старого подъезда. Он знал этот запах не первый год и приходил на него как на условленный сигнал.

* * *

Ратников без остановки проходил короткие лестничные марши, один за другим огибавшие узкий центральный проём, сделав последний поворот, поднялся на площадку, трижды, с паузами, нажал кнопку звонка на обычной тёмной двери.

Третий звонок оборвался, и несколько секунд за дверью не было слышно ничего. Потом приблизились ровные шаги, спокойно повернулся замок, дверь без спешки открылась внутрь: тайна начиналась.

В открывшемся проёме стояла Тамара. Густые чёрные волосы крупными волнами спускались до плеч, а косая чёлка частично закрывала одну бровь, удлинённое лицо с выраженными скулами сужалось к подбородку, узкие красные губы были очерчены тёмным карандашом, мелкие пайетки темной блузы ненавязчиво отражали свет из прихожей. Тамара отступила в сторону и сдержанным движением ладони предложила пройти. Он кивнул и переступил порог.

* * *

Плотно задёрнутые портьеры отсекали серый московский день, и единственным светом в комнате оставалось пламя нескольких свечей. Лица сидящих по разные стороны стола освещались лишь наполовину, остальное скрывала тень.

Ратников положил на край стола незапечатанный конверт с наличными. Гадалка, не пересчитывая, убрала его под скатерть и медленно перетасовала потёртую колоду. Одна карта выскользнула из её пальцев, перевернулась и легла перед Ратниковым лицом вверх: Смерть. Тамара не стала ничего объяснять — просто положила её назад в колоду, словно та появилась раньше положенного срока.

— Завтра я должен принять окончательное решение по крупной сделке, — сказал Ратников низким ровным голосом. — Выгода в обычном деловом смысле меня не интересует. Как согласие повлияет на мою дальнейшую судьбу?

Для него расклад был ещё одной формой проверки — такой же, как заключение юристов, оценка рисков и финансовая модель проекта. Прежние слова Тамары сбывались не приблизительно, как прогнозы аналитиков, а с неприятной точностью — вплоть до даты, фразы или бытовой подробности, заранее казавшейся лишней. Поэтому вопрос состоял уже не в том, верить ли картам, а в том, какую часть решения он незаметно передал им.

Старые карты сухо шелестели в руках Тамары, затем колода раз за разом мягко ударялась о скатерть. Иногда потрескивали свечные фитили, будто огонь тоже пытался вставить замечание, но после вопроса Ратникова замолчали даже они.

Тамара сняла верхнюю карту и положила её слева: Шестёрка Жезлов, победитель над поднятыми посохами. Выдержав паузу, она перевернула следующую — Башню, расколотую ударом сверху. Через такой же промежуток справа легла Луна с дорогой между двумя башнями. Тамара выровняла карты одним движением и убрала руки со стола. Она ничего не объяснила: торжество уже переходило в разрушение, а разрушение — в дорогу, конца которой не было видно.

Ратников узнавал отдельные символы по прежним визитам, но названия почти не читал. Его интересовало направление: поднятый жезл сменялся падающей башней, а ясный дневной успех — тусклым светом Луны. Взгляд задержался на широких кремовых полях с потемневшими краями. Изношенность колоды почему-то убеждала сильнее новых карт: подобные исходы уже доставались другим людям.

— Шестёрка Жезлов — успех, — негромко сказала Тамара. — Публичное подтверждение того, что решение было правильным.

— Башня — внезапное крушение того, что казалось устойчивым. — Она коснулась второй карты.

— Скрытая опасность. — Палец перешёл к Луне. — Ложные сведения или чужое намерение, которое пока нельзя увидеть.

— Первоначальный успех относится именно к сделке? — спросил Ратников.

— Возможно, — ответила Тамара. — Но успех окажется только началом последовательности.

Для позиции неизбежного итога Тамара сняла верхнюю карту и перевернула её. На стол снова легла Смерть. Она придвинула карты друг к другу, сверила одинаковые потёртости на кремовых полях, затем без слов перенесла её в конец расклада.

— Смерть не всегда означает физическую гибель, — негромко сказала Тамара. — Это может быть окончательная перемена... разрыв... переход. — Она открыла дополнительную карту и положила её рядом: Десятка Мечей, поверженная фигура под десятью клинками. — Значит, речь идёт о перемене... — Тамара замолчала, и обе карты остались на столе — одна называла конец переменой, другая лишала это слово обычного удобства.

Ратников не шевельнулся. Плечи оставались расправленными, но пальцы перестали касаться края стола, словно тело уже приняло ответ, который ему ещё не сообщили. Во рту стало сухо, молчание Тамары он научился понимать раньше её слов. Однако у консультации был порядок, и Ратников спросил прежним сдержанным баритоном:

— Можно ли изменить исход?

Тамара подняла взгляд от Десятки Мечей и коротко вдохнула, но Ратников уже не ждал произнесённого «нет», ответ уже лежал на столе в виде двух карт, которым не требовалось его согласие.

* * *

Ратников вышел из арки на проспект, где сероватый дневной свет одинаково заливал людей, здания и дорожную пыль. По многополосной дороге двигались легковые машины, микроавтобусы и автобусы, над ними тянулись провода, а у витрин прохожие продолжали заниматься делами, не требовавшими знания будущего. У тротуара ждал тёмно-синий внедорожник с работающим двигателем. Водитель не выходил: в Москве ожидание состоятельного человека давно стало отдельной профессией. Ратников остановился и посмотрел на город, как будто тот должен был уже получить то же предупреждение, которое он вынес из квартиры. Но город не знал о предсказании и не собирался сбавлять ход: судьба одного человека не считалась уважительной причиной для изменения движения.

Пока он шёл к машине, Ратников мысленно вернул карты на стол и попытался рассмотреть их как обычные исходные данные. Смерть могла выпасть случайно, а Десятка Мечей — оказаться рядом по той простой причине, что карты вообще обязаны лежать по соседству с другими картами. Тамара могла неверно истолковать сочетание: даже опытный человек иногда принимает перемену за конец, особенно если конец выглядит убедительнее. Прежние совпадения тоже могли казаться точнее задним числом, когда память убирала лишнее и оставляла только сбывшееся. У всех этих объяснений был один недостаток: Тамара прежде не ошибалась. До сих пор расклад оставался для него инструментом планирования, вроде прогноза рынка, только без таблиц и с более неприятными формулировками. Завтра предстояло принять решение по сделке, и Ратников убеждал себя, что даже предсказание обязано допускать статисти-

ческую погрешность, иначе оно превращалось из прогноза в приказ. Но отказаться от сделки из-за карт означало признать их власть, а согласиться — проверить эту власть на себе.

Он дошёл до машины, взялся за серебристую ручку задней двери и потянул её на себя. За затемнённым стеклом водитель повернулся к нему, ожидая обычного короткого распоряжения, но Ратников остался на границе тротуара и салона. Вторую руку положил на край двери, словно высокая посадка машины внезапно потребовала усилия.

Край открытой двери вдруг раздвоился, а лица и машины по обе стороны от него расплылись, словно город перестал держать форму. В голове поднимался плотный туман, тяжёлый и вязкий; пальцы разжались и перестали удерживать металл. Ратников попытался вдохнуть, но воздух остановился где-то под горлом, не дойдя до груди. Он перенёс вес в салон, однако колено подломилось раньше, чем нога нашла опору. Плечо ударилось о дверь, тело сползло мимо высокого порога и тяжело упало на мостовую рядом с задним колесом. Дверь хлопнула, водитель подбежал к Ратникову и наклонился над ним.

— Дмитрий Аркадьевич! Дмитрий Аркадьевич! Дмитрий Аркадьевич!

Не получив ответа, он обернулся к прохожим, и поверх ровного гула двигателя и проспекта сорвался его крик:

— Скорую! Вызовите скорую!

* * *

Сначала вернулся свет — белёсый, рассеянный, потом проступило металлическое ограждение кровати, у изголовья поднималась стойка капельницы с двумя пустыми крючками, пахло дезинфицирующим раствором, нагретой пылью и выстиранным бельём, а тонкая простыня неприятно холодила кожу.

Ратников согнул пальцы, затем пошевелил ступнями под тонким бельём, проверяя, подчиняется ли тело, упёрся локтем в матрас и приподнял плечи, но ладонь ударилась о металлическое ограждение, потом нашёл взглядом витой провод у настенной панели, провёл по нему рукой до кнопки и нажал.

Кнопка ответила коротким электрическим писком, через несколько минут вошел доктор:

— Так, похоже, вы очнулись.

— Что со мной произошло? — спросил Ратников низким, ещё хриплым голосом.

— Вас доставили после потери сознания. Мы провели обследование и обнаружили причину, — ответил доктор так спокойно, будто медицина уже выполнила свою часть работы и теперь оставалось оформить документы.

Он закрыл папку со снимками и положил её на край кровати.

Доктор поднял листы МРТ к свету, и Ратников увидел последовательность серых срезов, похожих на чертежи предмета, которым человек пользуется всю жизнь, не зная его устройства. На первых изображениях сохранялся почти правильный рисунок. Потом светлое неровное образование начало повторяться, становилось больше и постепенно вытесняло симметрию мозга. Доктор показывал его контур кончиком ручки и говорил просто: «здесь», «в этой области», «образование», словно длинные медицинские слова могли добавить случившемуся лишний вес. Дмитрий следил не за ручкой, а за лицом врача. Тот сохранял спокойствие немного тщательнее, чем требовалось, и именно эта тщательность показалась Ратникову диагнозом.

— Это опухоль мозга, — сказал доктор. — Судя по снимкам, крайне агрессивная; вокруг уже сильный отёк. Она расположена так, что возможности лечения почти исчерпаны ещё до того, как мы начнём.

Доктор заговорил о дополнительных исследованиях, но Ратников перебил:

— Сколько?

— Скорее всего, неделя. Может быть, две, — сказал доктор.

Две недели Ратников сразу перевёл в даты. Завтра должны были принять решение по сделке, дальше шли согласования, платежи и строительные графики, разговоры с сыновьями тоже всегда можно было перенести: до более подходящего времени. Он вспомнил карты, оставшиеся на столе у Тамары: Смерть и человека под десятью мечами, выходило, что карты не предсказывали событие, а сообщали о ходе уже начавшегося процесса. Человек, привыкший измерять жизнь кварталами и этапами, получил календарь, в котором оставалось не больше четырнадцати клеток.

Надежда

После ухода врача дверь закрылась, и палата снова стала обычным помещением, в котором болезнь обслуживали по графику.

Ручка опустилась, и вошли Мельниковы.

— Дима, — произнёс Геннадий низким ровным голосом.

— Здравствуй, — начала Анна, но слово сломалось посередине, а Лиза сразу заплакала — громко, по-детски, не оставляя коридору возможности не услышать.

Девочка наклонилась к нему, и из-под воротника выскользнула тонкая золотая цепочка с маленьким крестиком. Ратников увидел, как крест качнулся у самого его лица, и в горле стало тесно, будто сухой больничный воздух перестал проходить дальше. Шестнадцать лет назад Гена с Анной попросили его стать крёстным их дочери; в Бога он не верил, но просьбу принял серьёзнее многих обещаний, потому что тогда ему доверили не деньги и не дело, а ребёнка. Теперь Лиза плакала над его кроватью, Анна стояла рядом, прижав пальцы к губам.

— Второе заключение есть? Другой врач смотрел? — спросил Геннадий. — Я сегодня же организую лечение за границей, скажи только, куда.

Ратников ответил низким сдержанным баритоном, отчётливо выговаривая окончания:

— Гена, опухоль агрессивная и неизлечимая. У меня не больше двух недель.

— Прогнозы ошибаются.

— Иногда. Но торговаться с этим — неподходящий способ провести оставшееся время.

Анна села и некоторое время молчала, не пытаясь заменить тишину словами, которые в больницах произносят потому, что других всё равно нет.

— Что тебе сейчас действительно нужно? — спросила она так негромко, что Ратникову пришлось прислушаться.

— Чтобы вы немного посидели, — ответил он.

В тишине Ратников сопоставлял их семью со своей и получал результат, который не подходил ни для разговора, ни для исправления. Развод когда-то изменил его официальный статус, но гораздо раньше превратил бывшую жену в человека, о котором он знал всё необходимое и почти ничего важного. Сыновья учились в Лондоне, взрослели без него и звонили по праздникам или когда требовались деньги. Он продолжал их обеспечивать, потому что банковский перевод оставался последней формой отцовства, которую они принимали без возражений. С Мельниковыми всё было устроено иначе: рядом с ними он не выполнял семейную обязанность, а просто оказывался внутри семьи. Странно, что настоящее родство обнаружилось не там, где были общая фамилия и документы, а там, где ему годами оставляли место среди своих.

— Я не успела стать врачом, — сказала Лиза сквозь слёзы. — Если бы успела, я бы обязательно тебя спасла.

Ратников переждал её сбившийся вдох и ответил ровно:

— Нет, Лиза, хороший врач не обещает невозможного.

— А я бы всё равно попробовала. — Её высокий голос сорвался на хрипоту.

Не отпуская запястья девочки, Ратников подумал, что именно так, вероятно, и держат дочь, которой у него никогда не было. Крёстным его назначили однажды, но родным он становился годами: выходило, что чужой девочке он уделял больше внимания, чем собственным детям.

— Мы с Лизой подождём за дверью, — негромко сказала Анна, перехватив взгляд мужа. — Не утомляй его долго.

* * *

Дверь за Анной и Лизой закрылась с негромким щелчком, и их шаги быстро растворились в больничном коридоре. Ратников и Мельников остались одни, и тишина наконец перестала быть паузой между чужими словами.

Мельников придвинул стул к кровати, сел и несколько раз повернул на пальце матовое обручальное кольцо. Ратников прежде не замечал за ним этой привычки и сразу понял: сейчас речь пойдёт о том, что при Анне и Лизе следовало оставить за дверью. Под рёбрами медленно наливалась тяжесть, но сам он не шевельнулся.

— Я бы не ограничивался тем, что тебе уже сказали, — низким ровным голосом произнёс Мельников. — Есть вторые заключения, есть методы вне обычной медицины; я сейчас не о платных чудотворцах с объявлениями.

— Ты предлагаешь мне знахаря? — уточнил Ратников.

— Я предлагаю съездить к Семёну Ильичу под Звенигородом: через знакомого я могу получить личную рекомендацию, а с улицы он никого не принимает и без посредника даже разговаривать не станет.

— Геннадий, ты сам знаешь хотя бы одного человека, которому этот Семён Ильич действительно помог? — спросил Ратников. — Не со слов знакомого, который слышал от другого.

— Знаю, — ровно ответил Мельников, повернув на пальце обручальное кольцо. — Того самого человека, через которого хочу тебя к нему провести: я видел заключение до поездки и контрольные снимки после.

— И что сказали врачи?

— Что первый диагноз был ошибочным; медицина иногда очень удобно объясняет то, чего не смогла сделать.

— Виктор Сергеевич был у меня главным механиком в транспортной компании, — продолжил Мельников. — Курил больше сорока лет, а потом у него нашли саркому лёгкого. Опухоль проросла в крупные сосуды и сердце; врачи шансов не давали вообще. Пять лет назад я отвёз его в Звенигород к Семёну Ильичу, хотя никто, включая меня, не верил, что это поможет. Виктор Сергеевич до сих пор у меня работает, просто главным механиком уже не числится.

— Это тот Сергеевич, который на прошлый твой день рождения по пьяни в пруд упал? — спросил Ратников.

— Он самый, — подтвердил Мельников.

Поездка в Звенигород могла отнять день, но отказ от неё не возвращал этот день к жизни. Ожидание смерти тоже расходовало время, просто больница называла это наблюдением.

— Дима, ты много лет ходил к Тамаре и учитывал её слова, когда решал, во что вкладывать деньги и как жить, — ровно сказал Мельников. — Почему знахарь становится невозможным только потому, что его нельзя проверить обычным способом?

— Это не одно и то же, — ответил Ратников.

— Возможно. Я не спорю ни с Тамарой, ни с врачами, но если ты поверил необъяснимому предупреждению о смерти, будет странно не проверить такую же необъяснимую возможность помощи.

Довод был неприятен именно своей точностью. Предсказанию он позволил стать фактом раньше, чем оно сбылось, а чужой дар собирался объявить невозможным только потому, что тот не помещался в медицинское заключение. В памяти снова легли одна за другой Башня, Луна, Смерть и Десятка Мечей, а следом прозвучал вывод гадалки: изменить расклад невозможно. Надежды в этих словах не было, но из них также не следовало, что Семён Ильич ничего не умеет. Поездка отнимала несколько часов, отказ — единственную возможность проверить. Получалось, что ничего не делать тоже означало сделать выбор, причём именно тот, который полностью совпадал с предсказанием.

— Хорошо, — сказал Ратников после паузы. — Поедем.

Мельников кивнул, как будто речь шла не о чуде, а о встрече, которую следовало поставить в расписание.

— Я всё устрою. Выезжаем завтра утром.

* * *

Дорога из Москвы в Звенигород заняла около полутора часа. Когда машина остановилась, было уже светло. Небольшой одноэтажный дом знахаря ещё догорал; почти вся двускатная крыша провалилась, и сквозь дым виднелись чёрные стропила. Над почерневшими растрескавшимися брёвнами уцелела высокая кирпичная труба, почему-то сохранившая аккуратную вертикаль. Пожарные сворачивали тяжёлые мокрые рукава, вода стекала в колеи, возле дома стояли несколько патрульных машин, и оцепление уже обозначили лентой. Всё было организовано спокойно и буднично, только под обломками крыши ещё двигался живой огонь, не ознакомленный с порядком завершения работ.

Ратников не спешил открывать дверь и молча смотрел через стекло на пожарных.

— Я так понимаю, мы на месте? — спокойно спросил он.

— Сейчас выясню, — ответил Мельников ровным голосом, заглушил двигатель и вышел с водительского места.

Дверь закрылась, оставив Ратникова одного за стеклом, которое пока ещё отделяло его от пожара.

Мельников пошёл вдоль дома к небольшой группе местных, собравшихся напротив тёмных оконных проёмов с перекошенными обугленными наличниками. Навстречу шагнул пожарный со свёрнутым рукавом, и Мельников прижался к ленте, пропуская его. Затем обошёл растёкшуюся по земле воду, в которой плавала зола. Среди зевак он выбрал мужчину, державшегося так уверенно, словно тот наблюдал пожар с самого начала. Подойдя к нему, Мельников спросил, что здесь произошло и кому принадлежал дом.

— Под утро началось, — ответил мужчина. — Вспыхнуло сразу, пожарные приехали, а спасать уже некого было.

— Сколько нашли? — спросил Мельников.

— Три трупа. Кто такие, пока неизвестно.

Мельников посмотрел на оцепление: следующий вопрос следовало задавать уже не свидетелям.

Он вернулся к машине. Ратников выслушал его и посмотрел мимо, на узкий проём с почерневшей дверью. Формально ещё оставалась возможность, что знахаря среди погибших не было. Но, видимо, изменить расклад невозможно.

* * *

В закрытом салоне стояла тишина, Мельников ровно держал руль обеими руками, не прибавляя скорости и глядя вперед, Ратников на пассажирском сиденье неподвижно смотрел в боковое стекло, за которым мелькали серые отбойники и глухие заборы придорожных поселков, вдруг он коротко рассмеялся:

— Гена, у тебя среди знакомых вампира нет? Чтобы обратил меня, сделал бессмертным и испортил врачам статистику.

Мельников не улыбнулся и несколько секунд смотрел на него так, будто решал, что сейчас менее жестоко: утешить или ответить правду. Короткий смешок Ратникова оборвался, не получив положенного ответа; он посмотрел в глубоко посаженные глаза Мельникова и подождал обычной усмешки, которой друзья закрывают разговоры, случайно подошедшие слишком близко к правде. Усмешки не было, и пальцы Ратникова медленно сжались на колене. Шутка открыла дверь, за которой что-то находилось, а Мельников почему-то не спешил её закрывать.

— Есть у меня такой знакомый, — сказал он низким ровным голосом, взглянув на механические часы на черном ремешке.— Только это совсем плохой вариант, Дима, — тем же деловым тоном добавил он. — Существования в таком виде ты сам не захочешь.

Ратников так и не понял, поддержал ли Гена шутку.

Мельников расстегнул тёмно-синий пиджак и достал из внутреннего кармана одну плотную визитку; картон сухо прошуршал по подкладке. Он держал её между пальцами с аккуратно подстриженными ногтями, словно передавал не тайну, а обычный деловой контакт. На лицевой стороне были напечатаны только имя Ольга и номер телефона — без должности, адреса и названия организации. До этой минуты бессмертие оставалось неудачной шуткой; теперь у него появился номер, по которому можно было позвонить. Мельников положил визитку на центральный подлокотник, ровно между ними.

— Что именно она делает? — спросил Ратников.

— Пока это неважно: цена её услуги будет слишком высокой, но у тебя как минимум есть выбор.

Ратников взял визитку, и острый угол упёрся в подушечку большого пальца. После сгоревшего дома это было первое, что не обещало спасения, а позволяло выбрать, платить ли за него.

— Сколько это стоит и в чём суть услуги? — спросил он низким сдержанным баритоном, удерживая визитку на колене.

— Ольга объяснит сама, — сказал Мельников. — Цена для всех своя.

— То есть ты предлагаешь мне согласиться неизвестно на что?

— Я предлагаю тебе заранее решить, на что ты готов ради жизни.

Ещё недавно Ратников мог делать вид, что решение принимает друг; теперь выбор вернули ему, поэтому ещё раз посмотрел на имя и цифры, словно их порядок мог объяснить, что именно ему предлагали купить. Он вдруг понял, что желание жить и знание, ради чего жить, не являются одним и тем же. Визитку он убрал в бумажник, рядом с банковскими картами, где хранились все привычные способы решать вопросы. Телефон доставать не стал. Контакт был принят, звонок отложен, но слишком высокая цена уже вошла в число немногих вещей, которыми он ещё мог распорядиться.

Артефакт

В просторной квартире на Кутузовском проспекте стоял тяжелый, неподвижный полумрак, какой обычно скапливается в углах сталинских домов перед самым наступлением темноты, в нём за столом друг напротив друга сидели гадалка и пожилой мужчина, разделенные тем особенным, натянутым ожиданием, когда исход уже предрешен, но еще не произнесен вслух.

Карты в руках гадалки давно уже не были новыми: их углы слегка округлились от времени, поля покрылись желтоватым налётом, и теперь Тамара неподвижно держала пальцы на истрёпанном картоне, готовясь сдвинуть её.

Тамара медленно опустила на стол первую карту — узкий прямоугольник на плотной карточной основе с широкими кремовыми полями, потемневшими по краям. Тонкий чёрный контур очерчивал коронованную фигуру на тяжелом троне: Император застыл в неподвижном величии, дублируя позу сидящего напротив мужчины. Следом она выложила вторую карту, где Маг в длинных одеждах занес руку с посохом, закрепляя своим номером и названием начало задуманного действия.

Старику на вид было около семидесяти лет, его светлый клетчатый пиджак с небольшим значком на лацкане выдавал человека из прежней эпохи — той самой, где статус измерялся безупречностью номенклатурного кроя. Сквозь прямоугольные очки без оправы, чьи тонкие тёмные дужки едва выделялись на висках, он смотрел холодно и властно, словно привычно оценивал, насколько быстро окружающий хаос подчинится его воле.

Тамара скользнула пальцами по потертому картону и выложила следующую пару карт, выстраивая их в ровную линию исхода. Обе карты легли прямо: на потемневших кремовых полях проступили тонкие черные контуры Колесницы и Башни с их коронами, тяжелыми колесами, клинками и дорогой, ведущей к рушащейся каменной стене. Два несовместимых сюжета сошлись вплотную, превращая стремительный триумф движения в мгновенную катастрофу на том же самом пути. Гадалка не стала менять их местами или искать для предсказания мягкие слова, оставив это резкое противоречие лежать на столе.

Она выложила следующую пару — Солнце и Луну, а ниже опустила перевёрнутую Верховную Жрицу. Тонкие чёрные контуры очерчивали сияющие диски небесных тел, мелкие звёзды и искажённые человеческие фигуры, связывая эти отдельные символические сцены в единый, почти нелепый рисунок. В получившемся узоре обещание абсолютной ясности тут же перечёркивалось глухим сокрытием тайны.

Карты никогда не лгали, но сейчас на столе лежало то, чего не могло существовать в нормальном мире. Колесница, обещавшая стремительный триумф, спорила с рушащейся Башней, а ясный свет Солнца отрицался глухим полумраком Луны. Это был не просто плохой знак, а логическая катастрофа: будущее, чей исход всегда до последнего слова совпадал с её раскладами, теперь рвалось пополам прямо на глазах. Внутри неотвратимо нарастала тревога.

Тамара хмуро посмотрела на карты. Её приглушённый, ровный голос звучал медленно, оставляя после каждого важного слова короткую, весомую паузу:

— Здесь слишком много... линий. Взаимоисключающих. Будущее... еще не определилось. Или его... не дают увидеть.

Старик резко наклонился вперед, и его глубоко посаженные серо-голубые глаза сощурились, в упор изучая лицо гадалки.

— Кто? — спросил он неторопливо.

Его суховатый баритон прозвучал ровно и не допускал мысли об отказе. Она слегка шевельнулась, и мелкие пайетки на её тёмной свободной блузе тускло блеснули в такт осторожному движению рук.

— Не кто, — произнесла она после долгой паузы. — Что-то. Очень сильное. Если в этом замешан артефакт, карты могут видеть последствия его действий, но не сам артефакт. Поэтому они пытаются построить будущее вокруг пустого места.

Слово «артефакт» не вызвало у него удивления — скорее, заставило мгновенно внутренне собраться. На его худом лице обозначились глубокие носогубные складки и сеть вертикальных морщин вокруг тонких, плотно сжатых губ. Покрытая мелкими пигментными пятнами кожа заметно побледнела от напряжения, а резкие горизонтальные борозды на широком лбу прорезались так отчетливо, будто он пытался удержать в голове распадающуюся картину мира.

Старик медленно поднялся со стула.

— Так значит, всё-таки артефакт… — его обычно размеренный голос теперь зазвучал тише и резче.

Он полез во внутренний карман пиджака и достал плотный конверт с наличными, положив его на стол, молча ушел: входная дверь тихо закрылась, оставив после себя лишь секундный сквозняк. Тамара осталась одна за столом, глядя на разбросанные карты с широкими кремовыми полями и потемневшими краями. С плотного картона на неё смотрели безмолвные персонажи в длинных одеждах и силуэт рушащейся Башни.

* * *

Пруд, тёмно-зелёный и неподвижный, лежал вдоль прямых берегов, и в этой воде отражались светлые фасады окрестных домов, стволы деревьев. Пахло прелой листвой и затхлой водой. Марк издали заметил Якова и двинулся навстречу.

Они сошлись у ограды без слов и повернули вдоль воды, будто продолжали разговор, начатый много лет назад. Между ними не было ни вражды, ни взаимного притяжения — лишь ровное, почти физическое равнодушие людей, которые слишком давно знают друг друга, чтобы притворяться. Яков остановился у воды, опустив руку на холодную металлическую ограду, и посмотрел на светлый павильон на противоположном берегу; его прямоугольные очки тускло блеснули под низким солнцем.

— Сразу к делу? — спросил Марк, не вынимая рук из карманов.

— Полтора века — это предел, за которым тело перестаёт слушаться, — суховатым баритоном ответил Яков. - Моих собственных сил больше не хватает, чтобы удерживать его дальше. Для человека, который всю жизнь обходился без посторонней помощи, это признание давалось тяжело, но тонкие губы Якова даже не дрогнули. Марк слушал молча; его лицо оставалось абсолютно спокойным, лишённым даже намёка на сочувствие.

У скамьи под чёрным фонарём с округлым белым плафоном Яков остановился, положил ладонь на спинку, стянул перчатку и, помолчав, вытянул руку к Марку — открытой ладонью вверх. Светлая кожа в мелких пигментных пятнах не дрожала слегка, она дрожала непрерывно, ровными частыми толчками, и он не пытался это спрятать; он просто держал руку на весу и ждал. Через несколько секунд он убрал её в карман пиджака и снова взялся за спинку скамьи. Марк за всё время не сказал ни слова, но на эту руку смотрел внимательнее, чем слушал предыдущие пять минут.

— Ты хочешь к нам, — сказал Марк, глядя на воду, а не на собеседника. — Войти в круг и служить Источнику, чтобы он даровал тебе время. — Он произнёс это так же ровно, как говорят о заявке на свободное место: без удивления, без нажима, будто дело было в сроках и условиях. — И знаешь, я бы над этим даже подумал.

Он замолчал, носком ботинка отодвинул с дорожки прилипший лист и только потом продолжил.

— Но выбираю не я. Источник берёт того, кого хочет сам, и даже верховный жрец не повлияет на его решение. К тому же все места заняты уже больше тридцати лет. Свободное появляется одним способом, Яков, и ждать его — занятие для человека с запасом времени, а чтобы приблизить, нужны силы.

Яков поправил очки и посмотрел на свои пальцы, всё ещё лежащие на спинке скамьи.

— Мне не нужно место в вашем круге, Марк. — Его голос прозвучал на удивление спокойно. — Я не собираюсь никому и ничему служить. По мне участь кровососа и то лучше вашей.

Он повернул голову, поймав взгляд собеседника.

— До меня доходили слухи об артефактах, которые способен создавать Источник. О вещах, дающих телу возможности, о которых обычный человек не смеет и мечтать: силу, быстрое исцеление, защиту от болезней и яда.

Марк неторопливо повернулся, и на его лице на мгновение отразился оранжевый свет заходящего солнца.

— Я смотрю, ты хорошо осведомлён, — негромко произнёс он, глядя на Якова. — Но те, кто делился с тобой этими слухами, обычно забывают упомянуть о цене. Артефакт - симбиот не только берёт на себя заботу о теле, Яков. Он подчиняет разум, и очень скоро от прежнего владельца не остаётся ничего, кроме чужой воли, полностью поглотившей его личность.

* * *

Они подошли к свободной деревянной скамье у невысокой тёмной ограды. Яков осторожно опустился на нее, Марк устроился рядом.

— Существует способ приструнить вещь, — неторопливо, без вызова произнес старик. — Он ослабит артефакт и заставит его подчиниться.

Знание не могло просто просочиться наружу; оно принадлежало кругу поклявшихся хранить тайны. В городе, где тысячи шарлатанов торговали дешевой магией, выход на настоящего проводника силы всегда передавался исключительно по знакомству — через цепочку доверенных лиц, одно из звеньев которой теперь оказалось гнилым. Марк почувствовал, как внутри рождается холодное напряжение, ведь если древние тайны Источника стали утекать, значит, предатель сидел за его собственным столом.

— Откуда у тебя эти сведения? — спросил Марк, осознав, что ему нужны были конкретные имена тех из тринадцати жрецов, через кого ушла тайна. Он смотрел на Якова в упор, требуя ответа, который должен был прозвучать здесь и сейчас.

Яков медленно поднял руку, проигнорировав резкий напор собеседника. Он аккуратно поправил прямоугольные очки без оправы, и его тонкие, в мелких морщинах губы дрогнули в улыбке.

— Земля слухом полна, — ровно произнес он, давая понять, что никаких имен Марк от него не услышит.

— Какова цена самого артефакта? — твердо спросил он, ожидая конкретных условий сделки. Его страх перед древней силой Источника отступал перед простым нежеланием исчезнуть: когда речь шла о продлении жизни, любая цена казалась приемлемой.

— Цену буду назначать не я, — тихо сказал Марк, и в его голосе появилась та ровная, абсолютная холодность, которая бывает только у людей, уставших хоронить чужие иллюзии. — Вы пытаетесь торговаться с бездной, совершенно не понимая, что её главная плата — это всегда слом вашей воли и принуждение к службе. За триста лет я видел слишком многих, кто приходил к Источнику со своими желаниями. Все они думали, что смогут перехитрить эту силу, а уходили рабами.

— У меня не так много вариантов, — сказал Яков, медленно поднимаясь со скамьи.

* * *

В этот момент неожиданно сильная волна боли в голове пронзила Марка, в глазах потемнело, дыхание сбилось: Источник вторгся в сознание. Агония отступила, а в памяти отпечатались имя и лицо новой жертвы, некоего Ратникова. Этого человека не требовалось искать. Ведомый страхом близкой смерти, он сам безошибочно пройдет по цепочке нужных посредников прямо к его порогу, до последнего момента считая этот путь собственным выбором.

Марк глубоко вдохнул, возвращая легким привычный ритм, и достал из кармана телефон, он провел пальцем по стеклу, отыскал в списке контактов Ольгу и нажал на вызов, глядя на холодное свечение экрана. Она ответила сразу.

— Есть имя, — негромко сказал Марк, глядя на гладь пруда. – Ратников. С тобой скоро свяжутся, надо все устроить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.